

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОГО ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО И ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ – СТОЯНКИ НИВА I

© 2026

Андреев К.М.¹, Андреева О.В.¹, Сосновцева И.М.¹, Пантелеева А.К.¹, Пархомчук Е.В.^{2,3}

¹Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия)

²Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия)

³Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия)

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот и анализу материалов нового памятника каменного и позднего бронзового веков лесостепного Поволжья – стоянки Нива I. В 2024 году на площади памятника заложен раскоп № 1 (96 м²). Общая коллекция полученных артефактов составляет 1710 единиц (634 фрагмента керамики от примерно 110 сосудов, 57 изделий из кремня, 6 абразивов из песчаника и 1013 костей животных). Наиболее выразительным является комплекс керамики позднего бронзового века (срубная культура), который включает 560 фрагментов от 94 сосудов. Емкости имеют преимущественно баночную с прикрытым устьем или горшковидную формы. Большая часть сосудов орнаментирована оттисками гребенчатого штампа, также встречаются крупные овальные или «личиночные» вдавления, прочерки и прочерченные линии, вдавления полый кости. Две даты первой половины II тыс. до н.э. определяют период бытования населения позднего бронзового века на площадке памятника. Также к этому времени относится большая часть остеологической коллекции (неопределимые кости – около 60%, остальные принадлежат крупному и мелкому рогатому скоту или лошади, единично свинье, лосю и медведю). Эпоха раннего энеолита (самарская культура) представлена тремя фрагментами венчиков от разных сосудов с воротничковым утолщением и обильной примесью раковины в тесте. Неолитическая керамика (67 фрагментов от 12 сосудов) включает четыре типологические группы. Три емкости не имеют орнамента кроме ямочно-жемчужного пояса. Профилированный сосуд был украшен прочерченными линиями. По четыре емкости на поверхности имели треугольные наколы, нанесенные в отступающей, в одном случае разреженной манере или оттиски гребенчатого штампа. Одно радиоуглеродное определение может быть связано с периодом нахождения на площадке стоянки носителей средневожской культуры развитого неолита в последней четверти VI тыс. до н.э., а второе маркирует краткосрочный эпизод посещения в раннем неолите носителями елшанской культурной традиции, который приходится на последнюю четверть VII тыс. до н.э. Коллекция артефактов из камня насчитывает 57 экземпляров. Сырье представлено в основном кремнем красно-коричневых и серых оттенков. Большая часть относится к отходам производства (отщепы, осколки и продольные сколы). Одна дистальная часть пластины без ретуши. Морфологически выраженные орудия насчитывают семь экземпляров: четыре скребка, наконечник листовидной формы с выделенным черешком, прямолезвийный нож / боковой скребок и угловой резец на продольном сколе.

Ключевые слова: неолит; энеолит; поздний бронзовый век; лесостепное Поволжье; елшанская культура; средневожская культура; самарская культура; срубная культура; керамика; кремневый инвентарь; остеологическая коллекция; технико-технологический анализ; радиоуглеродное датирование.

THE FIRST RESULTS OF THE STUDY OF A NEW STONE AND LATE BRONZE AGE SITE IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION – THE NIVA I SITE

© 2026

Andreev K.M.¹, Andreeva O.V.¹, Sosnovtseva I.M.¹, Panteleeva A.K.¹, Parkhomchuk E.V.^{2,3}

¹Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia)

²Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

³Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Abstract. This article introduces and analyzes materials from a new Stone and Late Bronze Age site in the Volga forest-steppe region – the Niva I site. In 2024, Excavation Pit № 1 (96 square meters) was opened at the site. The total collection of artifacts recovered consists of 1710 pieces (634 ceramic fragments from approximately 110 vessels, 57 flint artifacts, 6 sandstone abrasives, and 1013 animal bones). The most striking is the Late Bronze Age (Srubnaya culture) ceramic assemblage, which includes 560 fragments from 94 vessels. The vessels are predominantly jar-shaped with a closed mouth or pot-shaped. Most of the vessels are decorated with comb stamp impressions; large oval or «larval» indentations, dashes, incised lines, and hollow bone indentations are also present. Two dates from the first

half of the 2nd millennium BC determine the time of occupation of the Late Bronze Age population at the site. The majority of the osteological collection also dates to this period (unidentifiable bones constitute approximately 60%, the remainder belong to cattle, sheeps/goats, or horses, and isolated pigs, elk, and bears). The Early Eneolithic (Samar-skaya culture) is represented by three fragments of rims from different vessels with a collar-like thickening and abundant shell admixture in the dough. Neolithic ceramics (67 fragments from 12 vessels) comprise four typological groups. Three vessels are unadorned except for a pitted-pearl band. A profiled vessel was decorated with incised lines. Four vessels each had triangular punctures on their surfaces, applied in a retreating, in one case sparse, manner, or comb stamp impressions. One radiocarbon dating may be associated with the occupation of the site by Srednevolzhskaya Neolithic culture bearers in the last quarter of the 6 millennium BC, while the second marks a brief episode of visitation by bearers of the Elshanskaya cultural tradition during the early Neolithic, which dates to the last quarter of the 7 millennium BC. The collection of stone artifacts comprises 57 pieces. The raw material is represented primarily by flint in shades of red-brown and gray. Most of the artifacts are waste (flakes, splinters, and longitudinal chips). One distal part of a blade is unretouched. Seven morphologically distinct tools are present: four scrapers, a leaf-shaped point with a distinct petiole, a straight-bladed knife/side scraper, and an angular burin on a longitudinal chip.

Keywords: Neolithic; Eneolithic; Late Bronze Age; forest-steppe Volga region; Elshanskaya culture; Srednevolzhskaya culture; Samarskaya culture; Srubnaya culture; archaeological ceramics; flint inventory; osteological collection; technical and technological analysis; radiocarbon dating.

Введение

Стоянка Нива I была открыта в 2022 году К.М. Андреевым и А.Г. Трофимовым при разведочном обследовании в окрестностях села Черновка Сергиевского района Самарской области (рис. 1: А). Памятник находится в 1,7 км к северу-северо-западу от северной окраины одноименного поселка в низкой пойме левого берега реки Сок. В целях определения мощности литологических напластований был заложен шурф 2 × 1 м, выявивший культурные слои двух эпох – позднего бронзового века и неолита, также изучены 4 шурфа (2 × 1 м), показавшие их отсутствие и маркирующие границы памятника. Составлен инструментальный план места расположения стоянки и получены первые представления о ее стратиграфии [1]. В 2024 году начато стационарное изучение данного памятника, заложен раскоп № 1 (96 м²), который был привязан к шурфу № 1, работы носили научно-исследовательский характер (рис. 1: Б). Общая коллекция полученных артефактов составляет 1710 ед., из них 634 фрагмента керамики от примерно 110 сосудов, 57 изделий из кремня, 6 абразивов из песчаника и 1013 костей животных. Краткие результаты данных работ были отражены в небольшой заметке [2].

Материалы и обсуждение

Стратиграфия и планиграфия

В основании стратиграфической колонки располагается материковая светло-коричневая супесь, с многочисленными свежими и древними норами землеройных животных, их активная деятельность, привела к «смазанности» стратиграфии стоянки и перемещению находок между слоями. Над материком на всей площади раскопа залегает литологический горизонт коричневой супеси, мощностью 10–30 см. Контакт с нижележащим слоем не четкий и фиксируется благодаря некоторым цветовым различиям в их структуре и плотности. Выше располагается литологический горизонт темно-коричневой супеси, более плотный чем предыдущий, толщиной 10–40 см, который фиксируется не четко, местами сливаясь с ниже- или вышележащим. Над ним залегает слой черной комковатой более плотной супеси, средне насыщенной корнями растений и карбонатными включениями, мощностью 20–40 см, в котором представлены преимущественно кости животных и фрагменты керамики, изделия из кремня единичны. Все указанные слои перекрываются рыхлой по структуре дерниной черного цвета, толщиной до 12 см, в которой находок не выявлено (рис. 2).

В ходе раскопок памятника были сделаны важные наблюдения стратиграфического плана. В кровле слоя коричневой супеси залегали фрагменты неолитической керамики и большая часть изделий из кремня (пласты 9–11). Фрагменты керамики позднего бронзового века и основное количество костей животных фиксировались в средней и верхней части темно-коричневой супеси и на ее контакте с черной комковатой супесью, преимущественно в 5–7 пластах. Стоит отметить некоторую турбированность слоев в результате активной деятельности землеройных животных на площади памятника в связи с чем, часть орудий из камня, а также отходов их производства и небольших фрагментов керамики находятся во «взвешенном состоянии». Также нами были сделаны некоторые планиграфические наблюдения. В целом в раскопе артефакты распределены равномерно, не образуя выраженных скоплений, лишь в юго-восточном углу наблюдалось некоторое уменьшение их количества (рис. 2).

Керамический комплекс

Керамический комплекс, выявленный на стоянке Нива I в 2024 году, насчитывает 634 крупных фрагмента (размером более 3 × 3 см) от примерно 110 сосудов и может быть разделен на пять не равных культурно-хронологических групп.

К эпохе позднего Средневековья или Нового времени относятся 4 фрагмента керамики, изготовленной на гончарном круге от 1–2 сосудов. Они обнаружены в верхних горизонтах раскопа (2–3 пласты).

Наиболее выразительной является коллекция керамики позднего бронзового века (срубная культура), которая включает 560 фрагментов, в том числе 67 обнаруженных в скоплении, от 94 сосудов (из них 70 выделены по верхним частям, остальные по орнаментированным стенкам) (рис. 3–5; рис. 6: 1–38). Данная культурно-хронологическая группа посуды представлена практически во всех пластах раскопа, но ее наибольшая концентрация приурочена к 5–7 горизонтам. Толщина фрагментов варьируется от 0,7 до 1,2 см, в основном – 0,8–1,0 см. Поверхность примерно трети фрагментов покрыта расчесами, у остальных – заглажена. Емкости имеют преимущественно баночную с прикрытым устьем (40 ед.) или горшковидную (28 ед.) формы, единично встречены открытые чаши (2 ед.). Венчики с прикрытым (55 ед.), прямым (13 ед.) или открытым (2 ед.) про-

филем и плоским (47 ед.), округлым (15 ед.), приостренным (5 ед.) или скошенным (3 ед.) срезом, который в трех случаях был украшен. Большая часть сосудов орнаментирована оттисками гребенчатого штампа (36 ед.), также встречаются крупные овальные или «личиные» вдавления (8 ед.), прочерки (6 ед.), прочерченные линии (5 ед.), вдавления полой кости (2 ед.), а также в трех случаях на поверхности зафиксировано сочетание овальных вдавлений и прочерков, остальные (34 ед.) без орнамента (рис. 5: 25–29; рис. 6: 1–18). Мотивы в основном представлены короткими диагонально ориентированными линиями (28 ед.), реже фиксируются горизонтальные (10 ед.) и короткие диагонально ориентированные разнонаправленные (8 ед.), более сложные единичны: горизонтальный зигзаг (1 ед.), косые кресты (3 ед.), горизонтальные линии с висячими треугольниками (3 ед.), заштрихованные треугольники (2 ед.) или ромбы (1 ед.), горизонтальный зигзаг с горизонтальными (2 ед.) или диагональными (1 ед.) линиями, а также горизонтальные линии в сочетании с диагональными (3 ед.). Также обнаружены 26 неорнаментированных донцов, часть из них с закраинами (рис. 6: 19–38), и 277 неорнаментированных стенок, вероятно, относящихся к представленным выше сосудам. Описанная посуда находит ближайшие аналогии в ранее изученных погребальных и поселенческих памятниках позднего бронзового века Самарского Поволжья [3; 4].

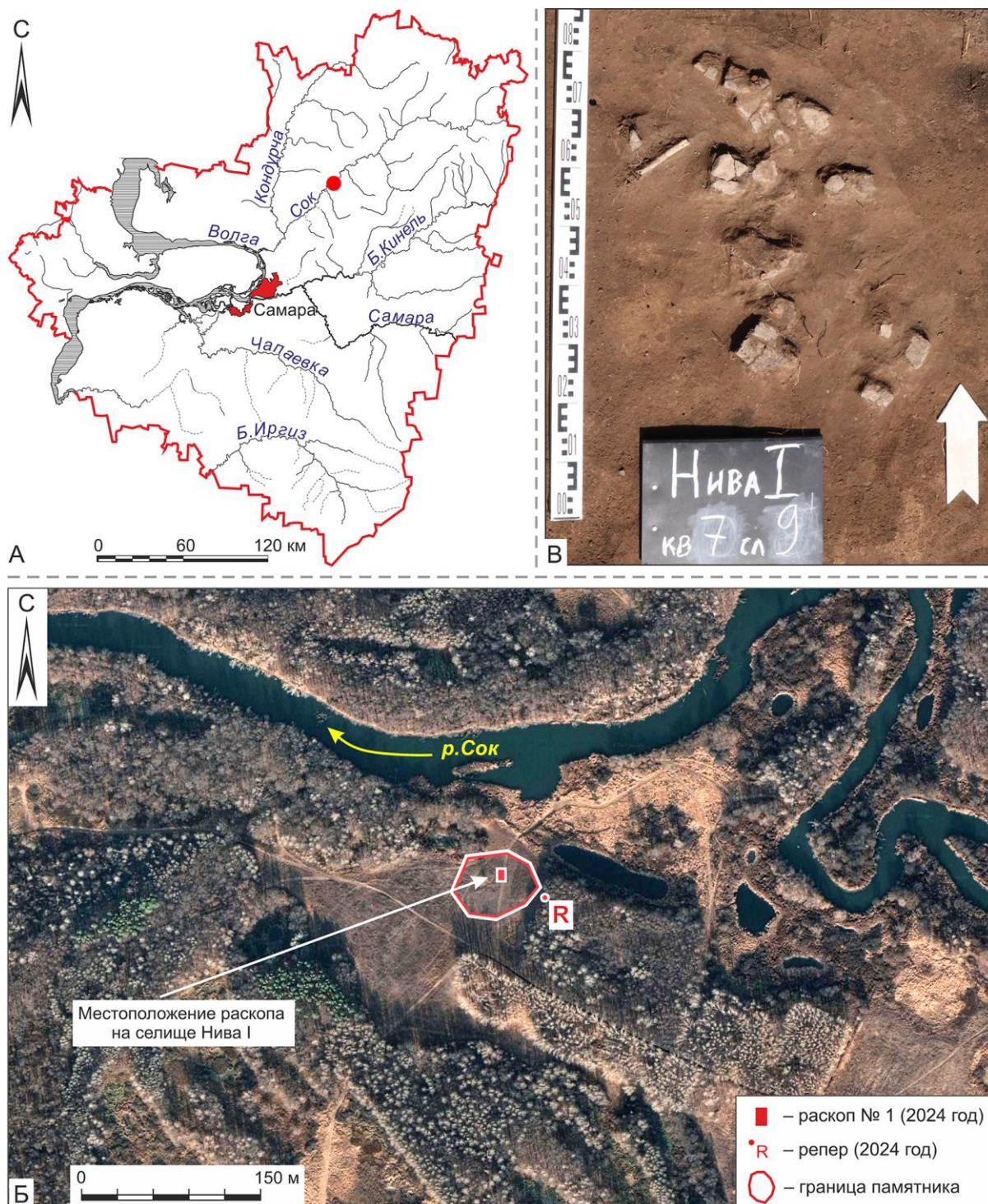
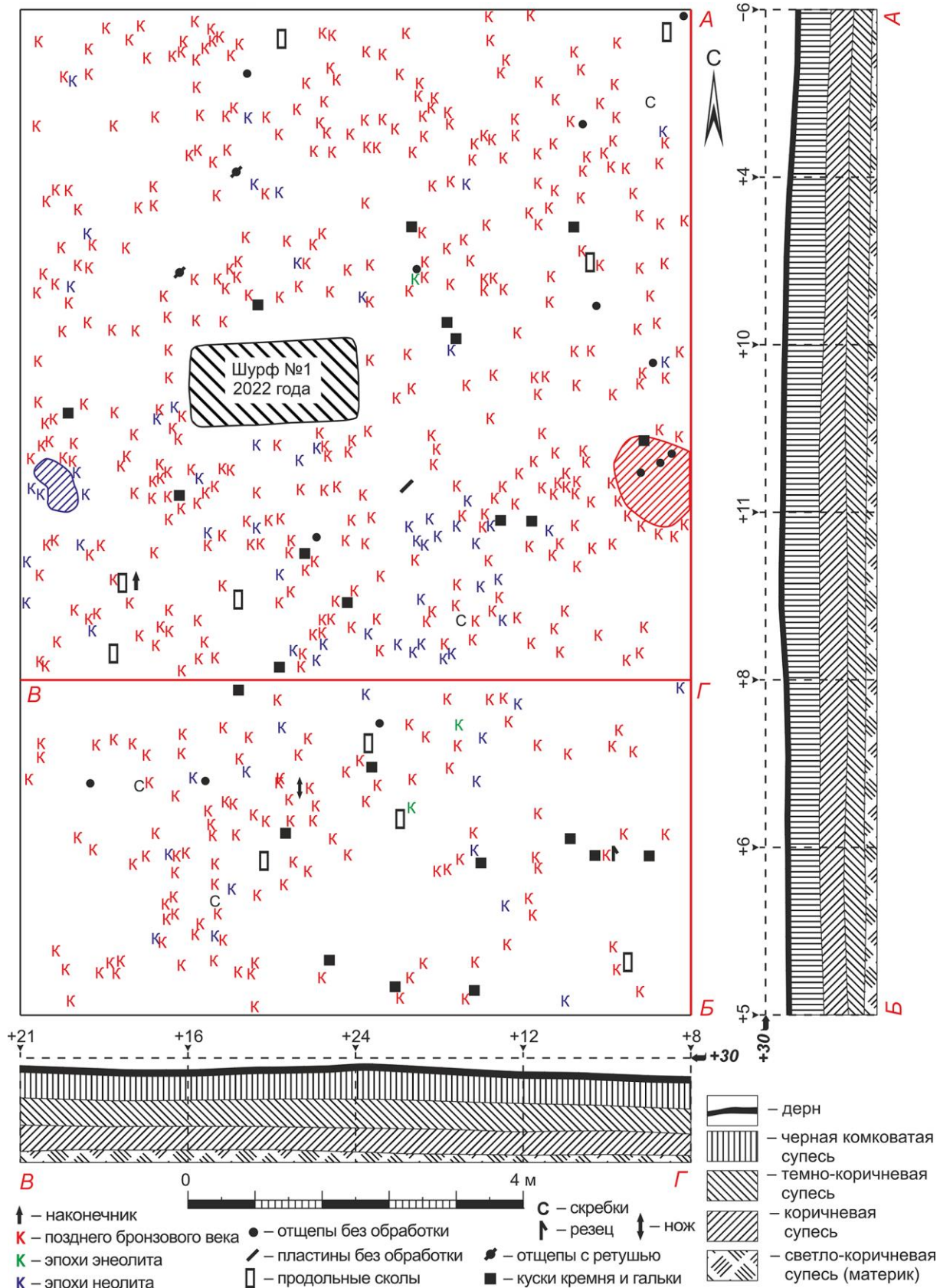

Рисунок 1 – Местоположение стоянки Нива I на карте-схеме Самарской области (А); местоположение памятника на спутниковом снимке (Б); развал неолитического сосуда (В)

Микроскопическому (технично-технологическому) анализу, в рамках историко-культурного подхода, по методике разработанной А.А. Бобринским [5; 6], подверглись 72 сосуда данной группы, выделенные по крупным венчикам и фрагментам стенок. При выборе исходного пластичного сырья гончары срубной культуры отдавали предпочтения илистым глинам в естественном увлажненном состоянии, в общей сложности из нее изготовлено 99% рассмотренных сосудов, лишь один выполнен из не запесоченной глины с примесью талька. Исходное пластичное сырье также разделяется по степени запесоченности: не запесоченное сырье харак-

терно для 34 сосудов (48%), а среднезаспесоченное – 38 (52%), однако количество песка в рассмотренных фрагментах не указывает на разные места отбора, но об этом свидетельствует наличие талька в 6% (4 сосуда) и смесь бурого железняка 13% (9 сосудов). Формовочные массы представлены девятью рецептами. Преобладает состав «илистая глина + шамот + органический раствор» 72% (51 сосуд). В меньшем количестве зафиксированы «илистая глина + шамот + органический раствор + дробленая раковина» 13% (9 сосудов), «илистая глина + органический раствор + дробленая раковина» 4% (3 сосуда), «илистая глина + шамот» 6% (4 сосуда). Остальные представлены единично: «глина + шамот», «илистая глина + дробленая раковина», «илистая глина + шамот + дробленая раковина», «илистая глина + органический раствор», «илистая глина». Несмотря на разнообразие рецептов, мы можем констатировать, что шамот и органический раствор встречаются в составе 89% рассмотренной посуды, а различия составов формовочных масс проявляются в комбинировании примесей.

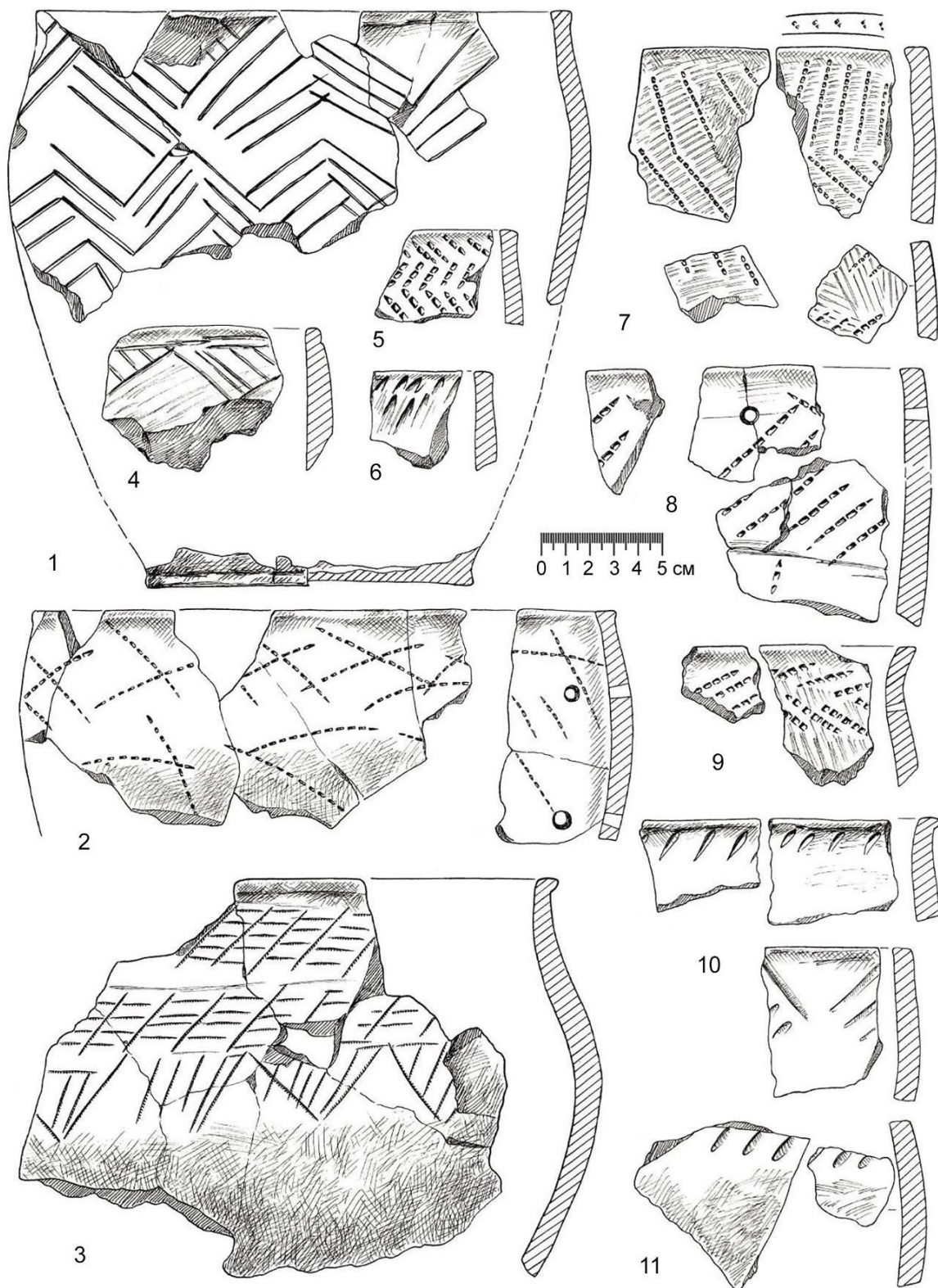

Рисунок 3 – Керамика (1–11) срубной культуры (поздний бронзовый век)

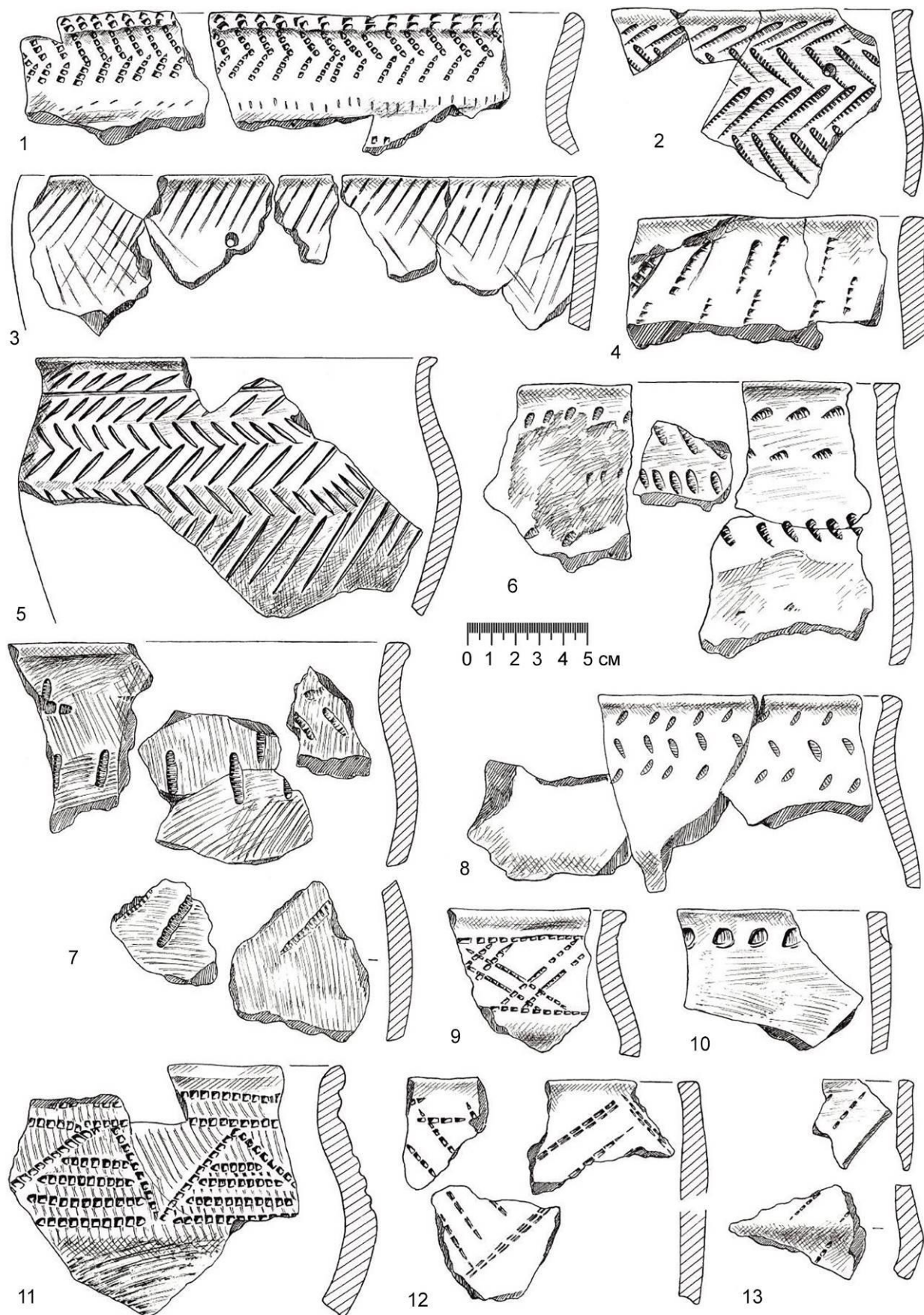

Рисунок 4 – Керамика (1–13) срубной культуры (поздний бронзовый век)

Эпоха раннего энеолита (самарская культура) представлена тремя фрагментами венчиков от разных сосудов без орнамента или украшенных оттисками гребенчатого штампа с воротничковым утолщением и обильной примесью раковины в тесте (рис. 6: 39–41). Ближайшие аналогии данной посуде прослеживаются в материалах недавно изученного могильника Екатериновский мыс [7, с. 122–135].

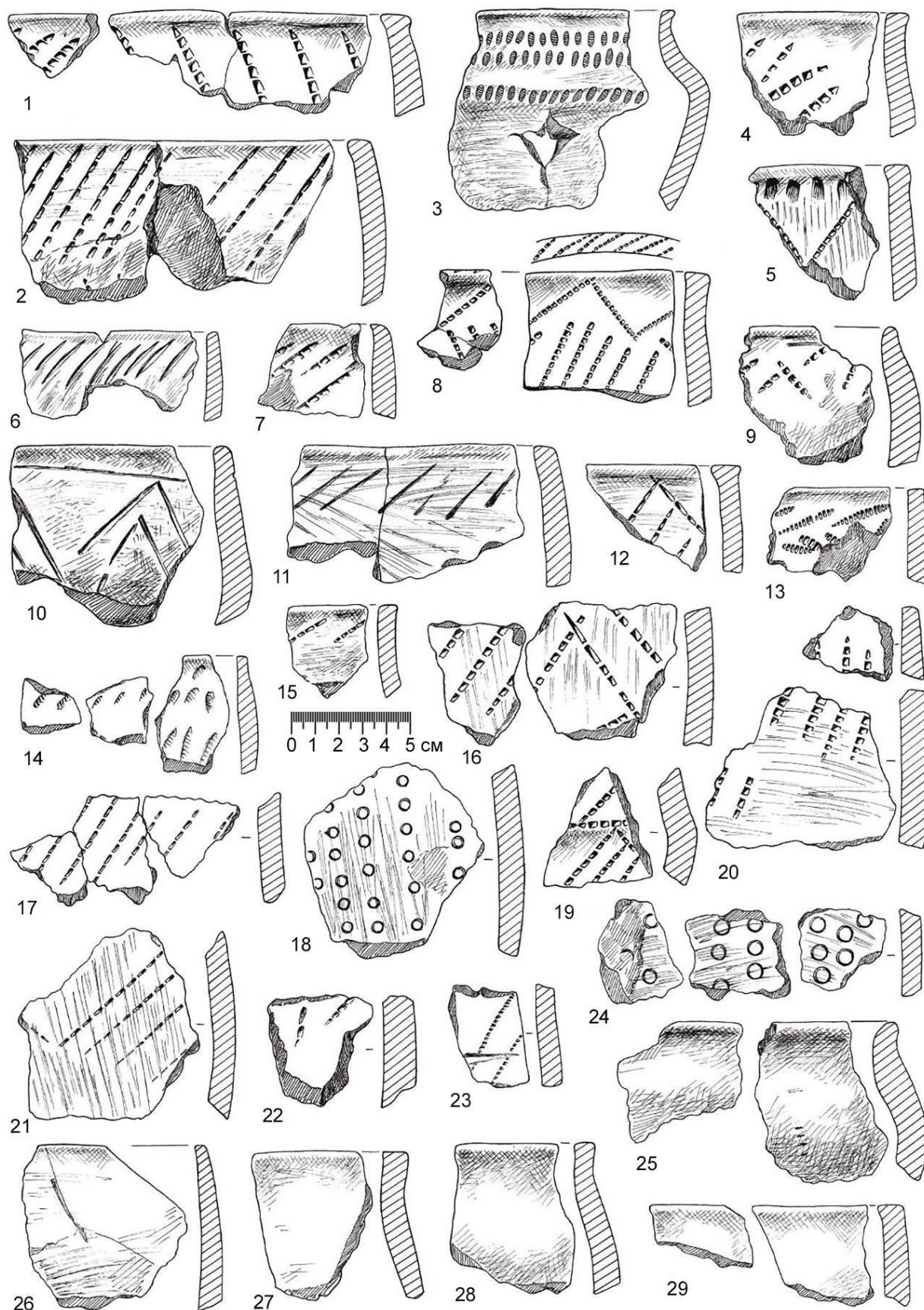

Рисунок 5 – Керамика (1–29) срубной культуры (поздний бронзовый век)

Неолитическая керамика (67 фрагментов от 12 сосудов) выявлена во всех горизонтах вскрытой площади, но ее основная концентрация, включая развал (рис. 1: В), приходится на 9–11 пласты и может быть связана с двумя культурными традициями. Большая часть сосудов относится к средневолжской культуре развитого этапа нового каменного века (рис. 7). Толщина черепков варьируется от 0,7 до 0,9 см, внешняя поверхность заглажена, реже, подлощена, в изломе визуально определяется примесь песка или шамота. Три емкости не име-

ют орнамента, кроме ямочно-жемчужного пояса, в том числе реконструируемый сосуд баночной формы, обнаруженный в развале (рис. 1: В; рис. 7: 2). Большим количеством фрагментов представлен сосуд прикрытой формы, орнаментированный горизонтальными рядами из диагональных линий треугольных наколов в отступающей манере (рис. 7: 1). Аналогичными вдавлениями, образующими горизонтальные и диагональные ряды украшены еще два сосуда (рис. 7: 3, 9). На одной стенке представлены разреженные спаренные наколы (рис. 7: 8).

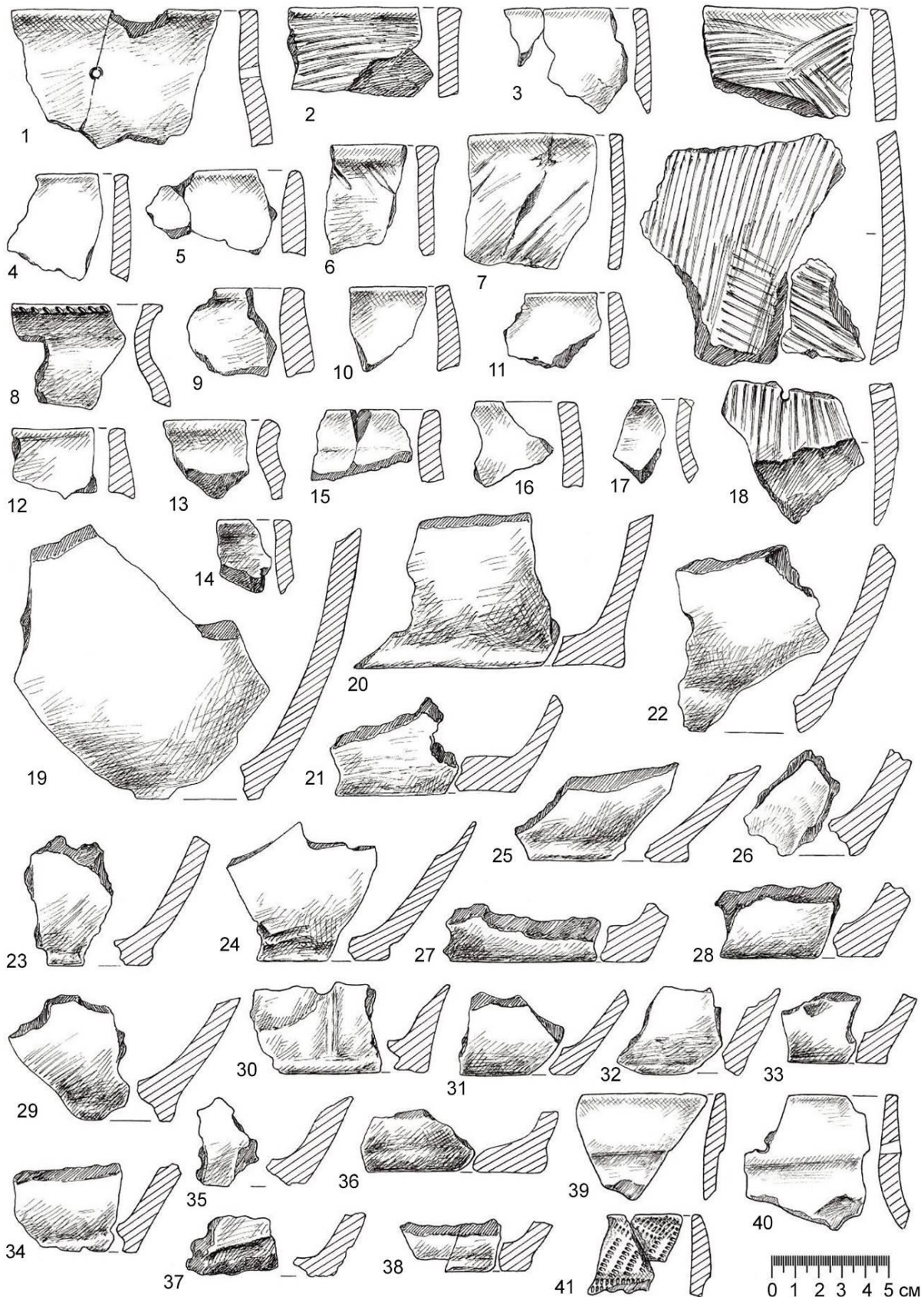

Рисунок 6 – Керамика срубной культуры (поздний бронзовый век) (1–38) и самарской культуры (ранний энеолит) (39–41)

Четыре сосуда орнаментированы гребенчатым штампом, образующим горизонтальные или вертикальные ряды диагонально и горизонтально расположенных оттисков (рис. 7: 8, 10–12). Аналогичная керамика выявлена в ходе многолетних исследований на большинстве неолитических стоянках региона [8–10]. Наконец, еще один профилированный сосуд яйцевидной формы с приотстренным срезом венчика и небольшим утолщением на нем изнутри, орнаментирован четырьмя рядами горизонтального зигзага, образованного прочерченными линиями, под которыми располагается ряд диагонально ориентированных прочерков (рис. 8: 1). Последняя емкость находит ближайшие аналогии в комплексах елшанской ранненеолитической культуры [11].

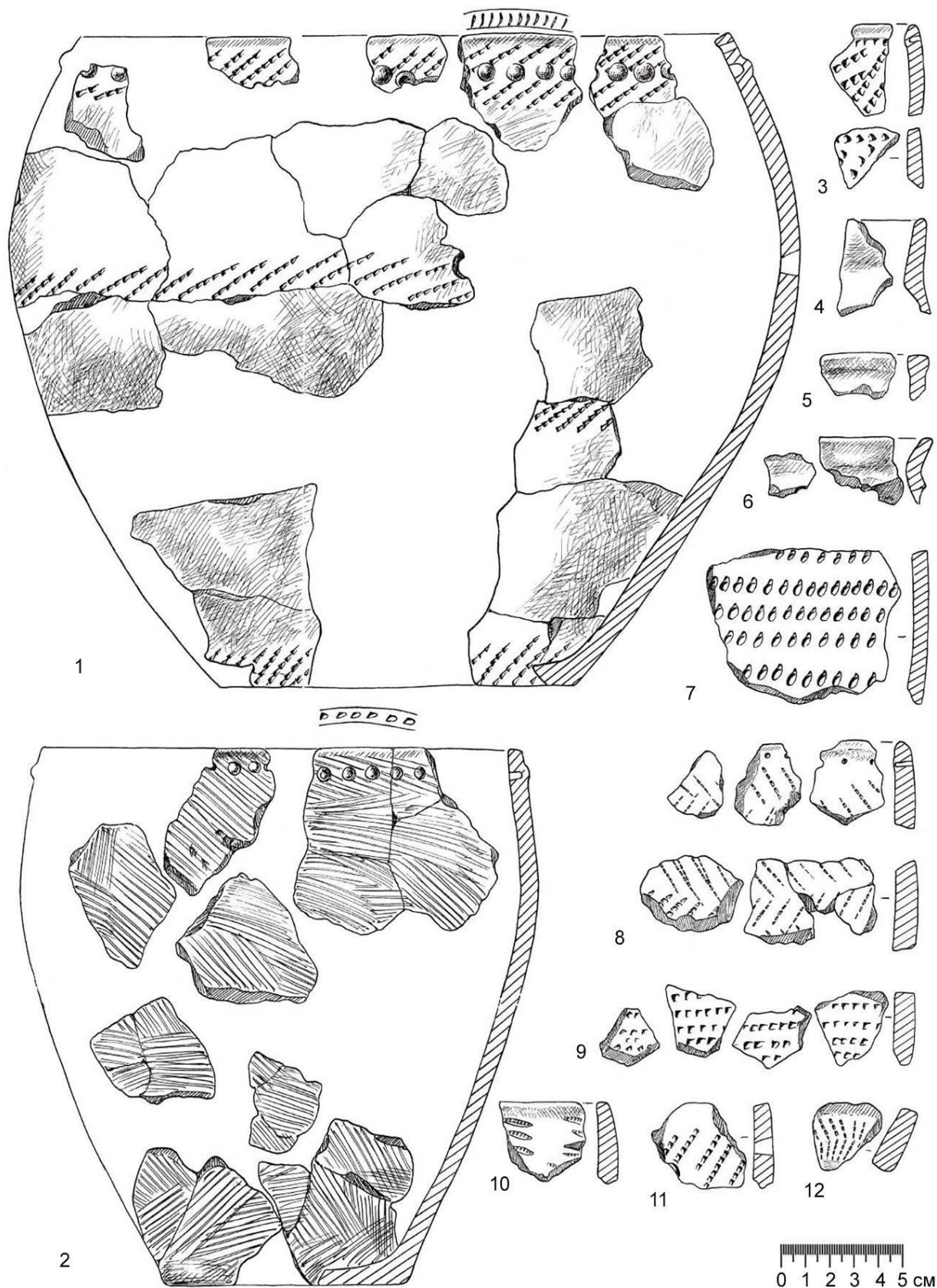

Рисунок 7 – Керамика (1–12) средневолжской культуры (развитой неолит)

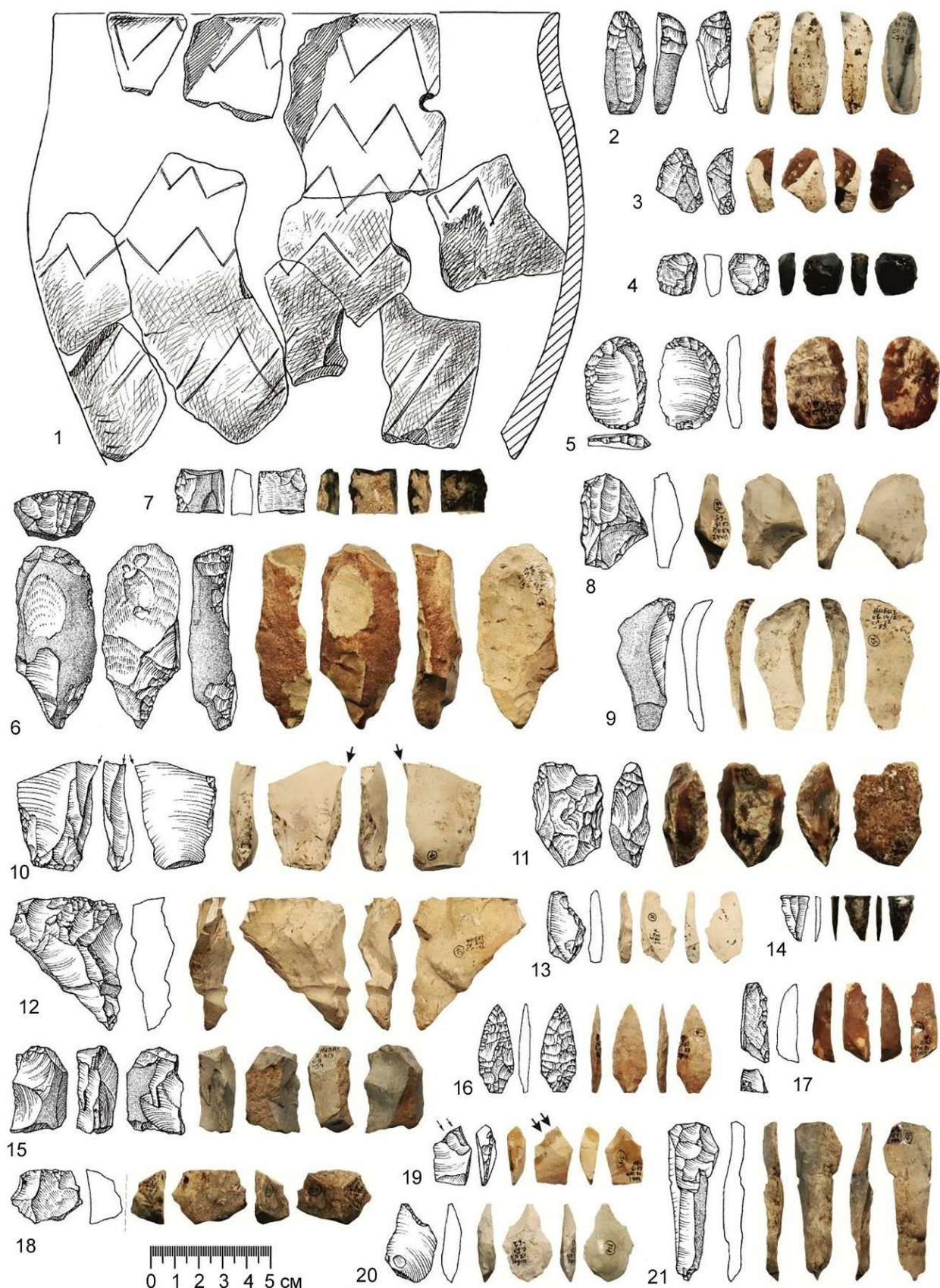

Рисунок 8 – Керамика елшанской культуры (ранний неолит) (1) и кремневый инвентарь (2–21)

Кремневый и каменный инвентарь

Шесть абразивных камней из мелкозернистого песчаника обнаружены в верхних пластах изученной площади и, скорее всего, связаны с посудой позднего бронзового века.

Коллекция артефактов из кремня насчитывает 57 экз. Сырье представлено кремнем красно-коричневых (37 ед.) и серых (14 ед.) оттенков, а также белым (3 ед.) или черным (3 ед.). Большая часть изделий относится к отходам производства: отщепы (14 ед.), осколки (25 ед.) (рис. 8: 11, 12, 15, 18, 19) и продольные сколы (10 ед.)

(рис. 8: 8, 9, 21), из них на шести прослежены следы утилизации (рис. 8: 7, 13, 17, 20), остальные без ретуши. Одним экземпляром представлена дистальная часть пластины без обработки (рис. 8: 14). Морфологически выработанные орудия насчитывают 7 экз.: четыре скребка (по два концевых и стрельчатых) (рис. 8: 2–4, 6), накопчик листовидной формы с выделенным черешком (рис. 8: 16), прямолезвийный нож / боковой скребок (рис. 8: 5) и угловой резец на продольном сколе (рис. 8: 10). Последнее изделие, заготовка для которого получена техникой усиленного отжима, и несколько отщепов из белого кремня могут быть связаны с тремя венчиками самарской культуры (рис. 8: 10, 13), а остальная часть каменного инвентаря с неолитической посудой. Важно отметить, что в индустрии нашего памятника превалирует ударная техника расщепления, что позволяет констатировать отсутствие мезолитической примеси и даст возможность ему в дальнейшем занять место в коротком ряду опорных кремневых комплексов средневожской культуры.

Остеологическая коллекция

Исследование остеологической коллекции проводилось в рамках выделенных выборок (пластов и бровок) в соответствии с глубиной их залегания. Обработка и анализ археозоологического материала включали в себя оценку естественной сохранности костей по пятибалльной шкале, определение индекса раздробленности (фрагментарности), фиксацию следов искусственного воздействия на костях [12, с. 106–108]. Естественная сохранность костных фрагментов (1013 ед.) удовлетворительно-хорошая (3–4 балла по пятибалльной шкале). Общий объем коллекции составляет 4,8 дм³, индекс раздробленности – 48 костей на 1 дм³. Подавляющая часть выборки представляет собой неопределимые фрагменты – 60,2% от общего количества костей (610 ед.). До таксона определены кости быка домашнего / крупного рогатого скота (далее – КРС) *Bos taurus*, мелкого рогатого скота – овцы или козы *Ovis aries* / *Capra hircus* (далее – МРС), свиньи *Sus scrofa domesticus*, лошади *Equus sp.* и/или *Equus caballus*, свиньи *Sus scrofa sp.*, лось *Alces alces* и медведя *Ursus arctos*, единичные фрагменты принадлежат рыбам *Pisces ind.* (табл. 1) Неопределимые остатки происходят преимущественно от крупных копытных. Анатомический спектр домашних копытных представлен всеми элементами скелета. Исследуемые фрагменты костей принадлежат взрослым животным, остатков новорожденных и молодых особей не обнаружено. На многочисленных фрагментах костей (429 экз.) зафиксированы следы манипуляций – разбивание и воздействия огня, которые маркируют кухонные остатки. Видовой состав (преобладание КРС среди остатков домашних копытных) и сохранность материала указывают на то, что вероятнее всего, большая часть выборки относится к эпохе поздней бронзы, к каменному веку могут принадлежать единичные кости плохой сохранности (с несохранившейся компактой), представленные остатками дикой формы лошади и лося.

Таблица 1 – Таксономический состав животных стоянки Нива I

Объект раскопа	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	Медведь	Лось	Рыба	Крупное копытное	Среднее копытное	Млекопитающее	Всего
пласт 2	6	6	11		1	1		44		1	70
пласт 3	10	6	11					27	1	8	63
пласт 4	25	5	9					68	1	3	111
пласт 5	46	22	10			1	5	84	6	6	180
пласт 6	64	17	11	1				109	13	27	242
пласт 7	23	13						52	3		91
пласт 8	15	2						26	4		47
пласт 9	11	3						8	11		33
пласт 10	2	2						3	1	1	9
пласт 11	1							5	1		7
пласт 12			2					4			6
пласт 13		2						4			6
пласт 14	1	1						1			3
бровка 1	9	2	1					9			21
бровка 2	11	6	1					28	4		50
бровка 3	1	1	1					7	1		11
бровка 4	6	1	1					6			14
бровка 5			2					3		5	10
бровка 6	4	1	3					14	3	1	26
бровка 7	1	5						7			13
Всего:	236	95	63	1	1	2	5	509	49	52	1013
Всего, в %:	23,3	9,4	6,2	0,1	0,1	0,2	0,5	50,2	4,8	5,1	100,0

Радиоуглеродное датирование

Хронологическое положение трех групп материалов и, соответственно, этапов посещения площадки памятника определяется четырьмя радиоуглеродными датировками. Отобранные образцы были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии в ЦКП «УМС НГУ–НИЦ» (г. Новосибирск): графитизацию коллагена проводили на AGE-3 (Ionplus, Швейцария), УМС-анализ графитов – на УМС MICADAS-28 (Ionplus, Швейцария). Предварительная химическая пробоподготовка образцов, изотопный анализ (на изотопном масс-спектрометре Delta-V-Advantage, Thermo Fisher Scientific, США) и определение химического состава (на элементном CHNS-анализаторе Flash 2000, Thermo Fisher Scientific, Великобритания) коллагена проводились в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

Две даты первой половины II тыс. до н.э. (табл. 2: 1–2) определяют время бытования населения позднего бронзового века на площадке памятника. Данные значения в целом согласуются с полученным ранее корпусом датировок срубной культуры [13]. Одно определение может быть связано с периодом нахождения на площади стоянки носителей средневожской культуры развитого неолита в последней четверти VI тыс. до н.э. (табл. 2: 3). Оно полностью согласуется с серией УМС дат полученных по костям животных на недавно исследованной стоянке Лужки II [14]. Наконец, последнее значение маркирует краткосрочный эпизод посещения изученной площади в раннем неолите носителями елшанской культурной традиции, который приходится на последнюю четверть VII тыс. до н.э. (табл. 2: 4). Важно отметить, что в недавнее время по остеологическим материалам стоянки Чекалино IV были получены близкие датировки [15].

Таблица 2 – Радиоуглеродные даты стоянки Нива I

№	Материал	Лаб. индекс	Радиоуглеродный возраст (лет назад)	Календарный возраст (лет до н.э.)*	$\delta^{13}\text{C}_{\text{Графита}}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}_{\text{VPDB}}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$, ‰	C/N atomic	N, мас. %	C, мас. %	H, мас. %
1	Левая большеберцовая кость овцы	GV-5059	3353 ± 37	1σ 1688 – 1545; 2σ 1741 – 1532	-21,4	-21,0	7,0	3,2	17,1	46,4	6,4
2	Левая большеберцовая кость среднего копытного (овца?)	GV-5060	3490 ± 35	1σ 1880 – 1751; 2σ 1920 – 1694	-16,7	-20,0	6,8	3,3	16,5	46,3	6,8
3	Таранная кость крупного копытного (лось?)	GV-5062	6197 ± 40	1σ 5213 – 5067; 2σ 5299 – 5030	-20,9	-19,6	4,3	3,3	16,2	45,8	6,8
4	Первая фаланга лошади	GV-5061	7228 ± 42	1σ 6214 – 6022; 2σ 6221 – 6014	-20,3	-21,2	3,1	3,3	16,2	46,1	6,8

Примечание. * – калибровка радиоуглеродного возраста в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal 4.4.

Заключение

Рекогносцировочные раскопки на стоянке Нива I осуществленные в 2024 году позволили получить пять культурно-хронологических групп материалов. Наиболее ранний, судя по всему, весьма непродолжительный эпизод посещения площадки памятника приходится на последнюю четверть VII тыс. до н.э., он связан с носителями елшанской культуры. Ввиду малочисленности керамического комплекса (один сосуд) весьма затруднительным является соотнесение с ним каменного инвентаря, а также остеологических материалов, за исключением кости лошади, по которой получена дата. Интересно отметить, что ранее данный вид животного в качестве объекта охоты встречался лишь на мезолитических стоянках региона [16]. Следующий, вероятно,

более продолжительный этап заселения площадки памятника связан с последней четвертью VI тыс. до н.э. Носителями средневолжской культуры развитого неолита оставлена достаточно представительная коллекция посуды, также к этому времени, видимо, относится большая часть кремневого инвентаря и фрагмент кости крупного копытного (лось?), по которому получена радиоуглеродная дата. Стоит отметить, что по основным технико-типологическим признакам кремневые комплексы немногочисленных «чистых» стоянок елшанской (Нижняя Орлянка II) [17] и средневолжской (Калмыковка I, часть артефактов Лужки II) [14; 18] обладают высокой степенью близости и их дальнейшее разделение будет крайне затруднено, если вообще возможно. Третий, также весьма непродолжительный, эпизод посещения площадки памятника связан с носителями самарской культуры и может быть предварительно датирован, исходя из имеющихся значений по другим памятникам, второй четвертью V тыс. до н.э. [7, с. 205]. Ранее было отмечено, что с этим временем может быть связана небольшая часть изделий из кремня, в частности, массивный угловой резец на пластине, заготовка под который получена усиленным отжимом. Наиболее интенсивный этап бытования памятника приходится на поздний бронзовый век (первая половина II тыс. до н.э.). Носителями срубной культуры оставлена большая часть керамической посуды, выявленной на изученной площади, при этом около трети сосудов покрыты расчесами с внешней стороны, что позволяет предполагать их отношение к раннему (покровскому) периоду. Несколько абразивных камней, а также подавляющее большинство остеологического комплекса, среди которого преобладают кости домашних копытных, связаны с этим этапом. Наконец, эпизодическое пребывание человека в эпоху позднего Средневековья или Нового времени фиксируется по четырем фрагментам керамики.

Список источников:

1. Андреев К.М., Трофимов А.Г. Разведки в Сергиевском районе в 2022 году // Археологические открытия в Самарской области 2022 года. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2023. С. 38–39.
2. Андреев К.М., Андреева О.В., Сомов А.В. Итоги исследования селища Нива I в 2024 году // Археологические открытия в Самарской области 2024 года. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2025. С. 6–7.
3. Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2000. С. 152–208.
4. Седова М.С. Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2000. С. 209–241.
5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
6. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
7. Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Грунтовый могильник раннего энеолита Екатириновский мыс в Самарском Поволжье: материалы и исследования. Самара: Изд-во СГСПУ, 2024. 328 с.
8. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь): учеб. пособие. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.
9. Выборнов А.А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2000. С. 177–215.
10. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья: монография. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
11. Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура): монография. Самара: Порто-Принт, 2017. 272 с.
12. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.
13. Купцова Л.В., Лыганов А.В. Срубная культурно-историческая общность между Волгой и Уралом // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит бронзовый век / под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 368–394.
14. Сомов А.В., Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Пархомчук Е.В., Рослякова Н.В., Сосновцева И.М. Итоги исследований стоянки каменного века Лужки II в лесостепном Поволжье // Российская археология. 2025. № 2. С. 22–40.
15. Андреев К.М., Шалапинин А.А., Пархомчук Е.В. Новые данные по абсолютной хронологии комплексов стоянки Чекалино IV (Самарское Поволжье) // Краткие сообщения Института археологии. 2025. Вып. 280. С. 116–131. DOI: 10.25681/ias.0130-2620.280.116-131.
16. Андреев К.М. Проблема определения стратегии жизнеобеспечения мезо-неолитических обитателей лесостепного Поволжья в свете новейших данных // XXIII Уральское археологическое совещание: мат-лы всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Оренбург, 14–18 апреля 2025 г.). Т. 1. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2025. С. 9–12.
17. Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья (к проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур): сб. науч. тр. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 50–110.

18. Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I – новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11: мат-лы 18-го–20-го заседаний науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2018. С. 143–160.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Андреев Константин Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия). E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru.</p> <p>Андреева Ольга Викторовна, лаборант отдела научных исследований и грантов; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия). E-mail: olgayer@mail.ru.</p> <p>Сосновцева Ирина Михайловна, лаборант археологической научно-исследовательской лаборатории; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия). E-mail: irinasosnovtceva@gmail.com.</p> <p>Пантелеева Анастасия Константиновна, студент исторического факультета; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия). E-mail: panteleeva.ak@sgspu.ru.</p> <p>Пархомчук Екатерина Васильевна, кандидат химических наук, директор Центра коллективного пользования научным оборудованием «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ–ННЦ»; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); заведующий лабораторией изотопных исследований; Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия). E-mail: evparkhom@yandex.ru.</p>	<p>Andreev Konstantin Mikhailovich, candidate of historical sciences, associate professor of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: konstantin_andreev_88@mail.ru.</p> <p>Andreeva Olga Viktorovna, laboratory assistant of Scientific Research and Grants Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: olgayer@mail.ru.</p> <p>Sosnovtseva Irina Mikhailovna, laboratory assistant of Archaeological Research Laboratory; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: irinasosnovtceva@gmail.com.</p> <p>Panteleeva Anastasia Konstantinovna, student of Historical Faculty; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: panteleeva.ak@sgspu.ru.</p> <p>Parkhomchuk Ekaterina Vasilievna, candidate of chemical sciences, director of the Center for Collective Use «Accelerator Mass Spectrometry NSU–NNC»; Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); head of Isotope Research Laboratory; Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: evparkhom@yandex.ru.</p>

Для цитирования:

Андреев К.М., Андреева О.В., Сосновцева И.М., Пантелеева А.К., Пархомчук Е.В. Первые результаты исследования нового памятника каменного и позднего бронзового веков лесостепного Поволжья – стоянки Нива I // Самарский научный вестник. 2026. Т. 15, № 1. С. 61–74. DOI: 10.55355/snv2026151201.